Текст · 24 января 2023, 13:35
Уэнделл Стивенсон,

В гуще событий. Как бариста из Херсона во время оккупации наладил сеть по поставке разведданных ВСУ

Российская оккупация Херсона продолжалась больше восьми месяцев, и все это время, несмотря на постоянные аресты и пытки, в городе действовала партизанская сеть, которая снабжала информацией ВСУ. Корреспондент *Economist* Уэнделл Стивенсон встретилась с одним из участников и организаторов этой сети. «Медиазона» публикует перевод ее репортажа.

В конце ноября в Херсоне было дождливо и холодно. Город, оккупированный российскими солдатами с первых дней войны, освободили за две недели до моего визита — и радость по поводу освобождения постепенно начинала угасать. Электричества, воды и интернета по-прежнему не было, а россияне обстреливали город. В одном из немногих открытых кафе в центре Херсона тускло светили лампы, работавшие от небольшого генератора. Группа офицеров сидела вокруг стола в громоздких бронежилетах и пила кофе, который бесплатно подавали солдатам ВСУ.

Светловолосый хозяин кафе, представившийся Вовой, сел за мой столик и слабо улыбнулся. «Мы были сопротивлением, — сказал он. — Это было здесь, в нашем кафе». Все время, что город находился под оккупацией, этот 30-летний добродушный мужчина передавал украинским военным информацию о

передвижениях русских. Он просил не использовать его настоящее имя. Русские ушли, но, несмотря на участие в сопротивлении, теперь он боится косых взглядов соотечественников из-за того, что его кафе продолжало работать во время оккупации. «Даже сейчас некоторые думают, что мы кормили оккупантов», — говорит Вова. При этом рядом с барной стойкой висел украинский флаг с автографами солдат: «Это кафе — центр сопротивления! Спасибо! Спасибо за вашу веру в нас и в Украину».

У Вовы мешки под глазами, изможденное и бледное лицо, как и у всех переживших оккупацию жителей Херсона, которых я встречала. Окна кафе задрожали — по городу опять била российская артиллерия.

* * *

Вова несколько лет копил на собственное кафе и в итоге смог превратить заведение в прибыльный бизнес. В феврале прошлого года его девушка Сара была на восьмом месяце беременности. Они планировали пожениться летом и только-только достроили дом, как началась война.

В шесть утра 24 февраля Вове позвонил повар из его кафе: «В нас стреляют. Война началась. Вставай». Вова и Сара поначалу думали уехать из города, но автобусные и железнодорожные станции были забиты людьми, а за бензином выстроились огромные очереди. При этом Саре требовалось регулярное наблюдение в роддоме. Они решили не рисковать.

Российские солдаты пришли не сразу. Сначала исчезла местная полиция и вообще все силовики. Большинство магазинов закрылось, Вова тоже заколотил свое кафе. Жители города постоянно перезванивались между собой. Один из друзей Вовы, который жил рядом с Антоновским мостом, рассказал, что видит русских на другой стороне Днепра и истребители в небе. Другой друг — Денис-[1], с которым Вова играл в пейнтбол, — написал и попросил рассказать о передвижениях российской армии. Вова насторожился и решил перезвонить, чтобы уточнить, что это действительно Денис. «Да, это я, — услышал он знакомый голос в трубке. — Я с ВСУ». Вова передал, что видел его друг возле моста.

Надпись на билборде: «Херсон — город-герой», 24 ноября 2022 года. Фото: Bernat Armangue / AP

Атмосфера в первые недели оккупации была напряженной. На главной площади Херсона шли демонстрации против оккупантов, но россияне начали арестовывать протестующих и разгонять людей слезоточивым газом и резиновыми пулями. Некоторые жители города бежали на территорию, подконтрольную Украине, но многие, испугавшись, остались дома. Вова испек хлеб в кафе для нуждающихся. Он поддерживал связь с Денисом, передавая ему все, что видел и слышал. «Я его спрашиваю: "Как дела?" — рассказывает Вова. — А он говорит: "Чего ты меня-то спрашиваешь? Вы ведь под оккупацией!"».

За несколько недель Вова по всей округе создал сеть наблюдателей, куда, к примеру, вошли несколько местных охотников, у которых были хорошие бинокли. Некоторые просто следили за колоннами и позициями россиян с крыш своих домов и скидывали результаты наблюдений Вове в телеграм, а он каждый день передавал информацию Денису. «Всю оккупацию его голос поддерживал во мне надежду, — говорит Вова. — Когда он рассказал мне, как прямо рядом с ним упал снаряд, я очень забеспокоился. Он был моей связью с внешним миром. Но я никогда не спрашивал, где он. Я понимал, что мне лучше этого не знать».

Русские разместили свою гражданскую администрацию в здании суда, через площадь от кафе Вовы. По всему центру в гостиницах селились офицеры ФСБ. Бар за углом некоторое время был закрыт, но потом его арендовал человек, в котором Вова узнал бывшего херсонского чиновника-коррупционера. Вскоре бар наполнился русскими в черных бейсболках и с пистолетами в кобурах, а снаружи выстроились внедорожники с тонированными стеклами и без номеров.

Вова не хотел, чтобы в его кафе ходили русские. Но если бы он закрылся, кафе могли захватить пришлые дельцы из Крыма и России или местные коллаборанты. Сославшись на нехватку персонала, он решил продавать только кофе навынос.

Украинские дети играют на заброшенном блокпосту в Херсоне, 23 ноября 2022 года. Фото: Bernat Armangue / AP

Вова совершенствовал навыки наблюдения. Он научился тайно снимать видео с айфона, переключая боковые кнопки, чтобы экран выглядел безобидно пустым. Он установил камеру на приборную панель своей машины и ездил по городу, фиксируя дома и гостиницы, где жили россияне. Однажды он снимал сквозь шторы кафе и увидел, как в машине напротив сидел русский солдат и смотрел прямо на него. Он не знал, видел ли солдат камеру его телефона. «У меня прямо руки затряслись», — вспоминает Вова.

Он старался быть осторожным. В отличие от многих украинцев, которые отказывались пользоваться сотовыми сетями оккупантов, он купил российскую сим-карту и активно использовал *VPN*. «Каждый вечер я удалял все со своего телефона, — рассказывает Вова, — а утром просыпался в холодном поту, мне все время казалось, что еще что-то осталось».

Его сын Виктор родился в начале апреля. Когда я спросила Вову, что он почувствовал в этот момент, он замолчал на несколько минут и слезы тихо катились по его лицу. Он показал мне фотографию на своем телефоне: младенец обхватил крошечным пальчиком палец отца. «Я не видел никакого будущего в условиях оккупации, — сказал в конце концов Вова. — Ни для себя, ни для своего ребенка».

* * *

Несколько месяцев спустя, когда было уже тепло, люди все чаще стали задерживаться рядом с кафе Вовы, чтобы выпить кофе прямо там, на улице. Постепенно сформировалась группа местных жителей, которые регулярно собирались

внутри заведения, чтобы поболтать. Они старались не говорить на деликатные темы вроде сбора разведданных, расположения блокпостов или запланированного Россией референдума об аннексии Херсонской области. Но все они стремились участвовать в сопротивлении и чувствовали родство. «Иногда мы все-таки перешептывались», — вспоминает Вова.

Среди завсегдатаев кафе была Татьяна, предпринимательница на пенсии, которая жила в соседнем доме, в квартире на первом этаже. Она держала окна открытыми и подслушивала разговоры российских солдат. Иногда Татьяна играла роль озабоченной бабушки: расспрашивала россиян, как их зовут, откуда они, есть ли какие-то новости. Днем она гуляла с собакой, заходила в кафе и рассказывала Вове все, что ей удалось узнать. «Это кафе было очень важным местом, — вспоминает Татьяна. — Здесь мы могли поговорить, могли собираться. И мы доверяли друг другу».

В начале июня в популярном у российских оккупантов ресторане «Ностальжи» прогремел взрыв. Через десять минут в кафе Вовы появились россияне, представившиеся военными полицейскими. «Я знал, что чем более нервным я буду, тем больше ко мне будет вопросов, — вспоминает он. — Поэтому я старался вести себя непринужденно. Пригласил их сесть, положил телефон на стол».

Вова явно вызывал у полицейских подозрения. Они задавали ему одни и те же вопросы по кругу, пытаясь сбить его с толку. Пытались

выяснить, обращался ли он уже за российским паспортом, но Вова сказал, что очереди пока слишком большие. Один из полицейских дал ему свой номер телефона и сказал, чтобы тот звонил ему, если понадобится «помощь». Вова понял, что это рэкет. Но отдавать он не торопился — слишком много раз видел, как предприниматели платили солдатам, полицейским или эфэсбэшникам, а после того, как те передислоцировались, их фирмы все равно разворовывали.

Люди празднуют отход российских войск в центре Херсона, 12 ноября 2022 года. Фото: Yevhenii Zavhorodnii / AP

После взрыва «Ностальжи» бар за углом становился все более популярным среди российских офицеров и коллаборантов. Они выпивали там с местными девушками, танцевали на столах и спьяну орали пророссийские лозунги. Когда Вова проходил мимо бара во время прогулок с сыном, он пытался разглядеть и опознать посетителей. Со временем он смог составить довольно полную картину жизни россиян: «Мы знали, где они живут, на каких машинах и по каким маршрутам ездят».

Вова был одним из множества гражданских, которые присылали украинским военным координаты и фотографии российских войск. В кафе я познакомилась с Сергеем, одноклассником Вовы, который много лет назад учил его фотографии. Он жил рядом с военной авиабазой в Чернобаевке, которая неоднократно становилась объектом ударов

украинской артиллерии, ракет и беспилотников. Вертолеты, склады боеприпасов и командные пункты уничтожались там с такой завидной регулярностью, что Чернобаевка стала олицетворением российского упрямства и глупости. Сергей рассказал мне, что был причастен к пяти из этих ударов.

Высокопоставленный украинский военный, который пожелал остаться неназванным, поскольку он не уполномочен общаться с журналистами, объяснил мне, что украинская разведка создала телеграм-канал для общения с людьми на оккупированных территориях. Разведчики сверяли информацию из канала с тем, что рассказывали им информаторы вроде Вовы, а также со спутниковыми снимками, которые им предоставляют американские военные.

Когда русские наткнулись на большую сеть украинских осведомителей, они начали внедряться в группу в телеграме и распространять дезинформацию. В итоге канал набрал более 300 тысяч подписчиков — больше, чем все население города Херсона. «Мы получали сообщения о том, что в таком-то селе стоит 1500 солдат и 200 танков, — рассказывает мой армейский собеседник. — Но потом проверяли у наших людей в соседней деревне, а они ничего не видели».

Российские оккупанты прибегали и к более радикальным мерам, чтобы остановить поток разведданных. Летом стали пропадать знакомые Вовы: одноклассники, друзья, члены его пейнтбольной команды. Но он остался на свободе. «Я старался особо не прятаться, — говорит он, — потому что подозревали как раз тех, кто прятался».

Он считает, что ему удалось избежать пристального внимания силовиков во многом благодаря прогулкам с сыном.

* * *

В конце июня в Украину прибыли американские реактивные системы *HIMARS* с радиусом поражения до 80 километров, и как только они начали работать, это сразу почувствовалось. «*HIMARS* очень громкие, — говорит Сергей, приятель Вовы из-под Бородянки. — И звук очень необычный, глубокие и тяжелые вибрации. Вот так работал *HIMARS*...». Ракеты били по казармам, танковым позициям и штабам, а также разрушили Антоновский мост, лишив русских важного канала снабжения. Российские войска были деморализованы. «Мы слышали их переговоры, в которых они обсуждали, что вот, мол, у украинцев есть это новое супероружие и от него нельзя спрятаться, — рассказывает высокопоставленный украинский военный. — Они говорили, как собирают фрагменты тел из-под обломков — руки, ноги».

Разрушенный Антоновский мост в Херсоне, 27 ноября 2022 года. Фото: Bernat Armangue / AP

Как-то раз в сентябре Денис предупредил Вову, что ему лучше закрыть кафе на ближайшие сутки. Вова понял, что, скорее всего, будет атака *HIMARS* на соседнее здание суда, где располагалась оккупационная администрация. Он не хотел рисковать, но в то же время опасался, что

закрытое кафе может вызвать подозрения. В тот же день, около часа пополудни, он увидел, как из здания администрации начали выбегать люди: они прыгали в машины и уносились прочь. Казалось, россиян тоже предупредили об атаке.

Но украинские военные выжидали. 16 сентября, пока сын спал в коляске, Вова загорал на площади. Вдруг он заметил, что у здания суда стали собираться люди, судя по виду, чиновники. Вова сразу же сообщил об этом Денису, а затем быстро пошел с Виктором в соседний парк, в нескольких кварталах от здания суда. Не прошло и получаса, как он почувствовал удар *HIMARS*, совсем близко. Вова сразу же вызвал жену, чтобы она забрала сына, а сам вернулся на площадь. Она была в оцеплении. Выли сирены скорой. Солдаты кричали прохожим: «Расходитесь!». Позже соседи рассказали Вове, что видели, как всю ночь из здания выносили трупы. Кафе при этом не пострадало, если не считать нескольких разбитых лампочек.

С середины октября чиновники оккупационной администрации стали публично говорить об эвакуации на левый берег Днепра. Херсон наполнился грязными и оборванными российскими солдатами, которые отступали после тяжелых боев на севере. Началось мародерство. Русские угоняли машины, срывали статуи с постаментов, разграбили музей.

9 ноября российская армия объявила, что уходит из Херсона. Через два дня в город вошли первые украинские войска. В первый день освобождения в дверях кафе появился Денис. «Он вообще-то весит килограммов сто, к тому же был в броне, — рассказывает Вова. — Но я обнял его и поднял в

воздух». У Дениса был значок украинского спецназа. За ним шли еще десять человек из его подразделения. «Они были в балаклавах, — говорит Вова, — но я их узнал по глазам». Это были знакомые по пейнтболу.

Денис по-прежнему каждый день заходит выпить кофе. «Чем он сейчас занимается?» — спрашиваю я Вову. Российская армия усилила обстрел Херсона, и украинцы стараются отвечать. «Я у него ничего не выспрашиваю, — отвечает Вова. — У меня теперь задача — просто варить кофе».

Автор: Уэнделл Стивенсон

Оригинал: *The barista-partisan who targeted the Russians in Kherson, The Economist 1843, January 16, 2023*

Перевод: Д. Г.

© 2023, The Economist Newspaper Limited. All rights reserved. Published under license. The original content, in English, can be found on www.economist.com

1. Имя также изменено.